

ГРАФ КАВУР

Считаться великим правителем, необходимым министром в течение многих лет, — и каких лет! Не апатичных, сонных, когда спокойно держится на месте каждый, кому случилось попасть на место, — нет, в период, когда кипит национальная жизнь, происходят перевороты, грозят великие опасности, приобретаются блистательные успехи, напряжены все силы народа и действуют гениальные люди, — добиться первого места в такое время и приобрести такую репутацию, чтобы миллионы основывали все свои надежды на твоём уме, готовы были следовать за тобою на все, готовы были жертвовать твоему превосходству многими дорогами своими убеждениями, лишь бы ты руководил делом, лишь бы ты не покидал его, — разумеется, такого положения, такой репутации в такое время нельзя достичь человеку иначе, как при способностях очень замечательных. Мы нимало не станем отрицать того, что Кавур был человек очень замечательных дарований¹. Едва ли любил его кто-нибудь из тех, которые отдавали ему в руки власть почти безграничную. Говорят, что Виктору-Эммануэлю он был антипатичен. Это очень правдоподобно. Король итальянский — человек прямого характера, простой, скромный; Кавур не мог нравиться ему при своем коварстве и претендательности. Масса не находила в Кавуре ни рыцарской отважности, ни высокого великодушия, ни одной из тех сторон блестящего благородства, которые магически на нее действуют, ни заботливости о простонародных нуждах, ни прогрессивных мнений, — ничего такого, чем очаровывается простолюдин в правителе; даже сами парламентские приверженцы Кавура, сами его товарищи по кабинету не любили его: они часто шокировались его высокомерием и самовластием. А между тем парламентское большинство подчинялось ему безусловно, король соглашался на все, чего он хотел, а масса при всей своей нелюбви к нему веровала в него; значит, велико было его превосходство над всеми людьми одинакового с ним направления. Действительно, не было ему соперника между дипломатами и конституционными

министрами Западной Европы. В крайних партиях — и в реакционной, и в революционной — находилось много людей гораздо более сильного ума и характера. Но по самому положению дел ни та, ни другая партия не могла пользоваться властью в Сардинии; а в консервативно-либеральной партии, которая одна по ходу дел должна была иметь власть, Кавур был выше всех изворотливостью ума и решительностью характера; потому-то и считался он незаменимым правителем.

Мы вполне признаем, что никто лучше его не мог исполнять ту систему, которой он держался по своему образу мыслей. Скажем больше: мы расположены думать, что господство именно этой системы служило необходимым условием успешного хода национальных дел. Но мы не восхищаемся ни системой, представителем которой был Кавур, ни им самим. Это требует объяснения.

Все на свете требует для своего осуществления силы. Дурное и хорошее одинаково ничтожно, когда бессильно. Что же такое сила? В теории сила дается логикою. Кто имеет совершенно определенные принципы, кто развивает их последовательно, тот всегда одерживает в теоретическом споре верх над людьми непоследовательными, говорящими в одно время об одном и том же и «да» и «нет». Все великие теоретики были люди крайних мнений. Но другое дело — практическая жизнь. В ней важно то, на чьей стороне большинство. А у большинства господствующий принцип — рутина. Редки бывают минуты, когда овладевает обществом сильная идея, и оно скоро утомляется непривычным для него напряжением умственных сил и снова впадает в рутину; а рутина — это вовсе не логическая смесь старого и нового, смесь мыслей, принадлежащих совершенно разнородным принципам, которым никак нельзя ужиться вместе в последовательной теории, но которые очень ладно набиваются рядом в головы, мало способные мыслить. Силен в обществе тот, кто имеет за себя большинство. Вот причина тому, что в конституционных государствах власть принадлежит обыкновенно партии так называемых умеренных людей, — людей непоследовательного образа мыслей, желающих лишь наполовину всего, чего желают, исполняющих лишь наполовину все то, к чему стремятся. В Италии по национальным делам есть, как и везде, два противоположные образа мыслей, очень последовательные каждый своему принципу. Представителями одного надобно назвать покойного короля неаполитанского Фердинанда и нынешнего правителя римских дел Антонелли; известнейший представитель другого — Маццини². Которого из них вы ни захотите послушать, он рассуждает гораздо логичнее Кавура и его сотоварищей. Но один принцип уже не удовлетворяет рутинному образу мыслей большинства, другой еще не вошел в рутину. От этого при обыкновенном настроении итальянского общества ни тот, ни другой не могут удовлетворить ему. удовле-

творительна только та смесь, которая составляет рутину, образовавшуюся из клочков прежнего принципа, еще уцелевших, и клочков нового принципа, уже успевших сделаться общими местами. Люди крайних мнений должны знать, что они работают не в свою пользу. Их деятельность не остается без результата, — напротив, только именно от нее и происходит результат: общество несколько подвигается назад усилиями реакционеров, когда обстоятельства благоприятствуют им; а вообще оно подвигается вперед усилиями решительных прогрессистов*. Но работают и те и другие одинаково в пользу умеренной партии. Фердинанд неаполитанский и Антонелли, а на противоположном конце Гарибальди и Маццини одинаково трудились в пользу Кавура, потому что масса общества не расположена идти далеко ни по какому направлению: она рада останавливаться подле тех, которые в дурном ли, в хорошем ли одинаково говорят: «остановимся; мы уже далеко ушли; отдохнем, успокоимся».

Вот источник силы, которую имел Кавур. Он принадлежал к партии рутины, к людям, советовавшим обществу не заходить далеко ни вперед, ни назад. Но общее положение Италии было таково, что общество не могло избежать прогрессивного движения. Прежний порядок дел был слишком тяжел. Потому в рутине довольно быстро уменьшался элемент старины, довольно быстро входили в нее обрывки новых стремлений. Умеренная партия, представительница рутины, с каждым годом расширяла свою мерку возможных и полезных реформ. Это расширение делалось не по ее охоте, против ее желания налагалось на нее успехами прогрессистов. Но все равно, она шла вперед. Десять лет тому назад она мечтала только об итальянском союзе, в котором участвовали бы король неаполитанский, папа, герцог тосканский и король сардинский. Прогрессисты работали, и через несколько лет программа умеренной партии расширилась: Кавур и люди, предводителем которых он был, стали думать, что четырех государств в Италии слишком много, довольно будет двух; Тоскана с герцогствами и северная часть папских владений удобно могут быть присоединены к Сардинии, а южная часть папских владений — к Неаполю. Когда Кавур три года тому назад входил в соглашение с императором французов на пломбьерском свидании³, он мечтал еще только об этом дележе Италии пополам, да и то лишь мечтал, а практическая программа его не достигала и этой высоты; он еще полагал, что и Тоскана, и Папская область, за исключением легатств, сохраняют свою отдельность в перевороте, который рассчитывал он произвести помощью Франции. Зимой прошлого года перешло в практическую программу умеренной партии то, что было лишь мечтою для нее до начала войны. Сардиния уже поглотила Тоскану и рассчитывала овладеть Папскою

* Революционеров. — Ред.

областью; но Неаполя еще не хотел касаться Кавур. Когда Гарибальди овладел Сицилиею, умеренная партия опять говорила: «довольно, остановимся на этом; пусть неаполитанские владения на континенте останутся неприкосновенными». Когда и они были введены в состав национального государства, умеренная партия опять говорит: «довольно, остановимся пока на этом; отдохнем; думать о Венеции еще рано». Мы нимало не утверждаем, что умеренная партия не была права каждый раз: какое нам дело разбирать, кто прав. Быть может, мы должны сказать, что если уж неправ Кавур, то прав не иной кто, как Антонелли. К чему же нам договариваться до таких вещей? Мы лучше будем смотреть лишь на фактическую сторону дела, лишь на ход событий, и, основываясь на нем, мы можем сказать, что умеренная партия в Италии никогда не имела твердой программы по национальному делу; оно было ведено другими людьми, с самого начала поставившими себе неизменную цель: стремиться к соединению всей Италии в одно государство. Умеренная партия постоянно считала этих людей непрактичными мечтателями, вредными интригантами* и по своей рутинности постоянно желала остановиться на переменах, сколь возможно менее значительных. Но старый порядок, кусок за куском, падал под напором интригантов и мечтателей. С каждым таким фактом принуждена бывала умеренная партия изменять свою программу. Хороша или дурна цель, к которой идет итальянское дело, — за то, что оно приближается к ней, умеренную партию не надобно ни хвалить, ни корить: она с своим представителем тут ни в чем не виновата.

Да, не виновата ни в чем, даже и в том, что дело шло не так быстро, как могло бы итти при другом ее характере, когда бы она сама стремилась к чему-нибудь определенному, а не ограничивалась тем, что пассивно принимала каждый совершившийся факт, осуществление которого замедляла своею апатичностью, своею недоверчивостью к национальным силам. Ведь если б Кавур и другие предводители умеренной партии поступали иначе, если бы они сами шли вперед, а не были против собственных мыслей ведены вперед другими, они не были бы предводителями умеренной партии, не были бы представителями большинства, не имели бы в своих руках и организованную силу государства, не были бы его правителями. Они были бы тогда отброшены массою, как люди, не соответствующие неопределенности ее тенденций, вялости ее желаний; она выдвинула бы тогда вперед других людей, и только переменялась бы расстановка имен. Предположите, что Кавур не мешает Маццини, а помогает ему; что же из этого? Ничего, кроме личной неприятности для Кавура: его вместе с Маццини считают человеком непрактичным, вредным, от

* У Чернышевского это слово употребляется в смысле «заговорщиков». — Ред.

него отступаются, его сталкивают с места и на это место выводят Рикасоли или Фарини, Ратацци или Ламармору⁴, предположите, что и они все четверо поддаются образу мыслей, который, по нашему предположению, увлек Кавура; опять из этого выходит лишь то, что увеличивается несколькими новыми именами список имен, в котором теперь стоят Бертани и Мордини, Саффи и Криспи, Риччарди и Либертини⁵, только и всего. А в этом списке столько людей способных, что не выиграет он от прибавки этих новых имен; а власти над организованными государственными средствами они не принесут ему потому, что сами теряют эту власть, как только становятся людьми последовательными, имеющими твердую цель стремлений, — теряют власть оттого, что перестают быть удовлетворительными для апатичной, не имеющей ясного образа мыслей массы общества. Иметь обдуманную, ясную программу! Может быть, это и хорошо само по себе, может быть это и полезно для нации, но масса общества никогда не поставит, не будет иметь своими представителями таких людей. Стало быть, нечего порицать Кавура за то, что был он таким, каким был, занимая место, какое занимал: такие люди требуются этим местом; другие не годятся для него.

Но если система, представителем которой был Кавур, не могла быть иной и потому не может служить предметом порицания, то нельзя же с чисто исторической точки зрения не видеть, что система эта была несоответственна цели, к которой шло итальянское дело, и потому замедляла его успехи на каждом шагу. Да и как же хотите вы, чтобы было иначе? Люди не знают, чего им хотеть; из этих людей, не знающих, чего им хотеть, разумеется, приходится кому-нибудь быть предводителем остальных; он их предводитель только потому, что тоже не знает, чего ему хотеть; какая же польза для дела оттого, что люди не знают, чего им хотеть, и какая польза делу от этого предводителя?

Впрочем, «не знать, чего хотеть» — это ведь говорится только относительно дела, составляющего национальную задачу в известное время; а то как же умным людям, например, хотя Кавуру и другим предводителям умеренной партии в Италии, не знать, чего они хотят? Возьмите хотя то, какие они люди, и вы увидите, что нельзя им не знать очень хорошо всего до последней мелочи. Кто они? Они — люди рутины. Рутинa нелогична, слеплена из противоречащих мыслей; это так. А все-таки она — вещь чрезвычайно определенная, и кто держится ее, тот все знает, решительно все; нет у него ни сомнений, ни недоумений, все решено за него рутиной. На бал ли ехать — надобно надевать фрак (о сюртуке и мысли быть не может), и фрак именно черного цвета; жениться ли — надобно выбирать невесту с приличным состоянием и хорошими связями. Так оно и в национальных делах. Вот, например, Кавур делается сардинским министром: как же ему не знать, о чем стараться? Напротив, это ясно для него, как

дважды два. Сардиния — государство небольшое. На северо-запад и на северо-восток лежат другие государства, очень большие, над которыми перевеса не получишь. А по известной рутине, искусный министр должен доставлять своему государству перевес над другими. Где же бы найти такие государства, над которыми может получить перевес Сардиния? Да вот на юге лежат государства, и небольшие, и такие расшатавшиеся во внутреннем быте, что не могут держаться самостоятельно, должны находиться под чьим-нибудь перевесом. Значит, над ними-то и надобно Сардинии взять перевес. Хорошо; каким же способом взять перевес?

Опять по рутине известно, что если соседнее государство волнуется внутренними смутами, соседу, желающему приобрести перевес, надобно раздувать внутренние несогласия, помогать недовольным и, чего бы ни хотели эти недовольные, говорить, что согласен с ними. Недовольство в итальянских государствах происходило из двух стремлений: к национальному единству и к свободным формам правления. Значит, Сардиния должна являться защитницею национальных стремлений и либеральных форм. Против них итальянские правительства боролись при помощи Австрии; значит, надобно стать во вражду к австрийцам, друзьям противников. Это тем полезнее, что национальная итальянская партия ненавидит австрийцев; значит, этим польстишь ей. Прекрасно; но ведь по той же рутине государство, отыскавшее себе врагов, должно искать союза с другими государствами. Сильнейшие государства в Западной Европе — Англия и Франция. Значит, надобно приобрести их дружбу. Чем же приобрести дружбу англичан? Этот народец чрезвычайно гордится своими формами правления. Значит, надобно быть приверженцем английских форм; оно тем нужнее, что итальянские недовольные хотят политической свободы, а австрийцы противятся ей в Италии, — надобно поддерживать то, против чего ратуют противники. Но расчетливый народец эти англичане! — Одними идеями мало их растрогаешь; надобно дать им материальную выгоду. Каких же выгод они добиваются? Больше всего — выгод свободной торговли. Значит, надобно быть приверженцем свободной торговли, понижать тариф. Хорошо; положим, этими двумя приманками сочувствие англичан приобретено. Но дрянной народец эти англичане: не любят воевать. Речами и депешами они станут помогать, но такого пособия мало; нужно приобрести союзника, который дал бы войско; а вот как раз такой союзник и готов во Франции. Ему, по его внутреннему положению, надобно непременно заводить от времени до времени войну, чтобы отвлекать Францию внешними делами от внутренних, чтобы очаровывать ее военной славой. Притом же вековое предание французской политики — борьба против габсбургского дома. Значит, вот и все дело в шляпе.

Как же тут сказать, что у Кавура, как представителя умеренной партии, нет определенной программы по коренному свойству умеренной партии не иметь определенной программы. Напротив, программа Кавура чрезвычайно точна: искать перевеса в Италии, опираясь на национальное стремление и либерализм и вражду против Австрии, захватившей в свои руки этот искомый перевес; приобрести симпатию Англии тем же либерализмом и свободною торговлею и приобрести дружбу Франции, дав ей предлог для войны с австрийцами, которая нужна для Франции. Какая определенная программа и как легко она составилась! — Просто по правилам дипломатической рутинности.

Но рутинность программы не уменьшает практической репутации человека, умеющего исполнять ее. Посмотрите, ведь купец тоже действует по рутине: дешево купить, дорого продать, выжидать времени, не упускать хорошей минуты, искать кредита, давать кредит лишь солидным людям, — кажется, просто и ничего тут не придумано самим исполнителем, а ведь показывает же иной купец удивительные способности искусным выполнением этой программы. Почему ж и Кавуру не называться гениальным человеком за свое искусство? Ведь надобно отдать ему справедливость: нашедши для себя правила, он держался их неуклонно и следовал им очень ловко. Будь он с такими качествами не вельможа, богатый по наследству, а сын какого-нибудь лавочника, и займись он не политикой, а торговлей, он из бедняка стал бы миллионером.

Все это так; и программа исполнялась очень искусно, и все, что входило в программу, было ясно, точно, твердо, — значит, представляло все залогом успеха; все так, лишь одна была беда: главное-то дело не попало в программу главным делом, потому что не входило в вековые правила дипломатической рутинности. Вот только оно-то одно и осталось для Кавура, как для всей умеренной партии, делом темным, о котором бог знает как судить, относительно которого приходилось поступать по рутинным надобностям иных соображений, часто не соглашавшихся с ним, часто вредивших ему; вот только оно-то и осталось каким-то внешним, непонятым предметом, относительно которого действовал Кавур наудачу, не соображая его надобностей, жертвуя им для своих рутинных целей. Повторим опять: винить его тут не за что; ведь надобно же массе быть массой, то есть иметь рутинный образ мыслей; ведь надобно же кому-нибудь быть представителем этой массы, как надобно же кому-нибудь писать романы вроде Александра Дюма для людей, которым хорошие романы непонятны. Напротив, надобно отдать полную честь Александру Дюма, что он отлично пишет вздорные романы, и если б не писал их он, читались бы романы, написанные гораздо хуже, и когда скончается он, — чему не дай бог скоро случиться: да продлит небо приятную

деятельность знаменитого старца! — когда он скончается, мы возрыдаем, что огромное большинство европейской публики лишилось писателя незаменимого.

На том же основании мы называем смерть Кавура великою потерей для итальянцев умеренной партии, то есть для всей массы итальянцев, за исключением очень малочисленных друзей кардинала Антонелли и довольно малочисленных людей действительно ясного и твердого прогрессивного образа мыслей. Кто будет вести дела по рутинным понятиям с таким искусством и с такою твердостью? Рикасоли и Ратацци, Фарини и Бонкомпаньи — все это перед Кавуром то же, что Поль Феваль⁶ и маркиз Фудрас перед Александром Дюма-старшим. Одна у нас надежда — на молодого человека, находящегося посланником в Париже. Недаром Нигра⁷ был любимцем Кавура, единственным поверенным всех его задушевнейших расчетов. Авось он оправдает наши надежды. А не он, так кто-нибудь другой откроется с кавуровскими талантами. Так надеемся, что утрата со временем, и даже в скором времени, вознаградится. Но ведь это пока еще надежда, и пока она исполнится, надобно будет чувствовать всю великость утраты.

Многим не нравилось наше малое удивление Кавуру. Да и то, что мы теперь написали, покажется, пожалуй, несправедливо. — «Как же это можно говорить, что Кавур, чрезвычайно хорошо понимая все дела, которые вел, не понимал главного дела, которое следовало бы ему вести? Как можно утверждать, что очень искусно ведя все другие дела, он не вел итальянского национального дела так же искусно? Миллионы образованных людей в Европе уверены, что он чрезвычайно много содействовал успеху этого дела, а вы находите, что он своим непониманием и неискusstvom мешал ему? Это свидетельствует только, что вы не знаете фактов». Положим, что не знаем; попробуем познакомиться с ними.

Мы не станем писать биографию Кавура. Для этого еще слишком мало материалов; да если бы и были материалы, то итальянское национальное движение представляет много людей, более достойных подробной биографии, чем Кавур. Мы очертим в нескольких словах лишь важнейшие факты его государственной деятельности. Не будем распространяться ни о его знатном происхождении и огромном богатстве, ни о личных его вкусах, ни о частной его жизни, — все это не относится к делу. Не будем говорить и о воспитании, какое получил он в доме отца, бывшего в свое время одним из главных служителей реакционной системы в Сардинии, — одним из людей, ненавистнейших и народу, и образованному обществу своей родины. Пожалуй, этим воспитанием можно было бы извинить многое; но ведь нам и не нужно отыскивать извинений: мы ни в чем не виним Кавура. Мы только смотрим на факты его государственной деятельности, на их отношение к национальному итальянскому делу; а фактический харак-

тер, действительный результат действия остается один и тот же, какими бы обстоятельствами предшествующей жизни ни объяснялось известное отношение человека к делу. Да если б и говорить о реакционном воспитании Кавура, оно, пожалуй, не послужило бы ему извинением. Ведь известно, что если человек воспитывается в какой-нибудь фальшивой системе и если потом начинает он чувствовать ее несостоятельность, понимать истину, то прежнее близкое знакомство с заблуждением сильно помогает ему в розыскании истины. Дурное воспитание дурно тем, что редкому удастся сбросить с себя его иго; зато, кто сбрасывает его, тому уже легче всякого другого стать человеком, свободным от рутины. Фокс⁸ также имел отцом крайнего реакционера и получил такое же воспитание. Если, отбрасывая предрассудки детства, Кавур не отбросил с ними и рутины, это показывает, что рутинность уже слишком глубоко вкоренилась в самой его натуре.

Но как бы ни рассуждать о психологической стороне вопроса, характер отцовской репутации налагал на Кавура двойную осмотрительность в образе действий при начале карьеры, если бы он хотел служить национальному делу. Положим, что люди с дипломатическими наклонностями могут пренебрегать популярностью; но как бы кто ни презирал ее, не станет он преднамеренно делать себя подозрительным для общества, в котором должен действовать. Кто начинает карьеру с безызвестным именем, тот может довольно часто делать неосторожности, не навлекая на себя подозрения. Положение Кавура было не таково. Ему нужна была чрезвычайная осторожность, чтобы не решились все с первого же раза, что он «пошел в отца». Ему надобно было сильно позаботиться о снятии с себя оттенка, бросаемого на него фамилиею. Он поступил иначе. Стал в ряды крайней правой партии, — партии, подозреваемой в клерикализме и абсолютизме, говорил против прогрессистов резче, чем кто-нибудь. Положим, что либералы были и глупы, и вредны, как он доказывал; но, конечно, предоставил бы он другим, менее подозрительным своим товарищам изобличать их, если бы рассчитывал служить национальному делу, в котором нужно же хотя некоторое сочувствие публики. Если он поступал иначе в 1848 и следующих годах, надобно из этого заключить, что или он не понимал, что делает, или думал действовать в таком кругу, для которого общественное мнение ничего не значит. Судя по всему, надобно предполагать второе. До самого конца жизни Кавур считал дипломатические связи важнее популярности, иноземную поддержку важнее национальных симпатий и государственную силу ставил единственно в регулярном войске, пренебрегая всякими волонтерами и народными ополчениями. Мы не то говорим, что он был неправ в этом, — мы только указываем, как он смотрел на вещи. Если действовать регулярным войском, иностранными союзами и дипломатическими связями, — популярность, конечно, ничего не значит,

Своими речами в духе крайней правой партии Кавур сделался страшно непопулярен. Если он думал тогда о национальном единстве, рассчитывал вести к нему Италию, приобретение такой репутации было чрезвычайною ошибкою. Но Кавур тогда вовсе и не думал ни о чем подобном. Для него существовала только Сардиния. Италия представлялась ему не больше, как группу слабых государств, на правительства которых может приобрести Сардиния точно такое же влияние, каким пользовалась Австрия. Итальянское единство — это мечта; сливать раздробленные части страны в одно государство — это нелепость; можно только доставить Пьемонту дипломатическое первенство между ними, вроде того, как Англия владычествует в Португалии или Франция в Египте. До итальянского народа нет ему никакого дела; нужно только устроить, чтобы в каждом итальянском государстве правительство держалось помощью сардинского. Союз с итальянскими правительствами, отказ от всякой помощи со стороны народных сил — вот первый вид политической программы Кавура. Приведем один факт, очень резкий. Великий герцог тосканский и папа были низвергнуты. Сардиния потерпела неудачу в первом походе против австрийцев и готовилась начать второй. Австрийцы в то же время собирались послать войска для восстановления папы и герцога тосканского. Значит, сардинское правительство имело тех же врагов, как партия, одержавшая верх в Тоскане и Риме. Могла ли Сардиния ждать от этой партии хорошей поддержки себе в войне с австрийцами, это все равно, — во всяком случае Тоскана и папские владения отвлекали к себе часть сил общего неприятеля. Что же советует Кавур? Он советует сардинскому правительству (сам он тогда еще не был министром) послать войско во Флоренцию и Рим для восстановления герцога тосканского и папы, то есть тех правительств, которые не могут не быть усерднейшими приверженцами австрийцев. Действительно, посылается сильный корпус сардинской армии для низвержения национальной партии во Флоренции и Риме, и в то же время остальные сардинские войска идут против австрийцев, которые быстро уничтожают их в знаменитой новарской битве⁹. Потеря этого сражения в значительной степени произошла оттого, что лучшие сардинские войска находились в другом краю страны: они шли на Флоренцию и Рим. Видно, восстанавливать папу и великого герцога тосканского было нужнее, чем отражать австрийцев. Это такая нескладница, которой трудно поверить; но действительно было так. Чем объяснить такое безрассудное ослабление своих сил в роковую минуту? Партия, управлявшая тогда сардинскими делами, и советник ее Кавур полагали, что полезных союзников должны искать они только в легитимных правительствах итальянских государств, а никак не в национальной партии. Они хотели, восстанавливая папу и герцога тосканского, взять с них обязательство действовать заодно с Сардиниею, —

мечта, достойная аркадских пастушков: так велико было ослепление Кавура правилом рутинной политики.

Скоро Кавур, по превосходству своих талантов, сделался предводителем правой стороны в парламенте; потом попал и в министерство. Сначала он занимал в нем второстепенные места, но твердость характера, неутомимая деятельность и парламентский талант уже и тогда доставляли ему главный вес в кабинете. Через год или через два он и по форме сделался первым министром.

В первые годы власти главным делом его была забота о финансовых реформах и об усилении армии. То и другое было необходимо для будущей борьбы с Австриею. Финансовые реформы состояли главным образом в понижении тарифа. Мы не имеем ничего в порицание тому; напротив, согласны с поклонниками Кавура, что введение принципа свободной торговли было очень полезно для Сардинии. Но, за исключением одной этой стороны, наименее осязательной для массы народа, система податей и налогов не была облегчена Кавуром, — нет, многие из прежних налогов были увеличены; кроме того, установлено было много новых. В 1850 году доходы Пьемонта простирались только до 95 500 000 лир, в 1858 году — уже до 145 000 000, — в 8 лет они увеличились с лишком наполовину; разумеется, такое увеличение не могло быть доставлено одним развитием богатства страны — бо́льшая часть прибавки произошла просто от увеличения тяжести налогов. И действительно, налоги в Сардинии стали при Кавуре и до сих пор остаются очень обременительны. Разумеется, такие важные цели, как национальное единство, совершившееся в противность ожиданиям Кавура, или хотя бы простой перевес над другими итальянскими государствами, к которому он стремился, не достигаются без великих жертвований. Мы нимало не смущаемся тем, что в такие критические годы постоянно оказывался дефицит и государственный долг сильно возрастал. Мы не о том говорим, что Сардиния могла не делать в то время расходов, превышавших ее нормальные средства, мы указываем лишь на тот факт, что для удовлетворения чрезвычайным надобностям государства Кавур нимало не колебался увеличивать обременительность налогов, и на это обстоятельство указываем не в упрек ему, а лишь в свидетельство верности наших слов о его программе. Если б он думал о национальном единстве, о привлечении массы итальянцев под общую власть савойской династии, такой образ действий был бы слишком грубою несообразностью, какой не мог сделать Кавур при своем уме. Масса повсюду и всегда расположена соразмерять свое сочувствие к известной системе с величиною налогов, взимаемых ею: это — самая осязательная норма достоинств системы. Если бы Кавур думал об итальянском народе, у него достало бы сообразительности показать Италии, что налоги в Сардинии легки: лучше было бы сделать на каких бы то ни было невыгодных

условиях несколько сот лишних миллионов долга, лишь бы не увеличивать прежних налогов и отменить некоторые ненавистнейшие из них. Но с своей точки зрения Кавур был прав: тому кругу, на который он опирался, нет надобности до чувств массы, а для дела, которого он хотел, и в том виде, в каком он хотел его, приверженность массы не нужна.

Огромные расходы, сильно увеличившие и государственный долг Пьемонта, и обременительность налогов, были до известной степени неизбежны: нужно было строить железные дороги, нужно было усиливать крепости, запастись оружием для новой войны, нужно было расплачиваться за прежнюю несчастную войну. Но в значительной степени расходы могли быть уменьшены, если бы принята была другая организация военных сил. Известно, что есть на континенте Западной Европы две совершенно различные системы этой организации. Самым блистательным примером одной системы служит французское военное устройство. Там срок службы под знаменами довольно продолжителен и постоянно содержится под ружьем значительнейшая половина тех людей, которых может правительство выставить против неприятеля в случае войны. Резервы мало развиты. Другая система в очень умеренном развитии принята Пруссией, а до полного развития доведена в Швейцарии. В Пруссии рекрут удерживается под знаменами лишь на столько времени, чтобы вышел из него уже готовый специалист военного дела, готовый солдат; как только он готов, он отсылается домой и в мирное время не обременяет своим содержанием правительство. Этот резерв, совершенно готовый для генеральной битвы хоть на второй же день по своем призыве под знамена, в три или четыре раза многочисленнее солдат, находящихся на содержании правительства во время мира. Благодаря этой системе войско в мирное время стоит Пруссии вдвое дешевле, чем Франции (пропорционально населению), а при войне Пруссия (также пропорционально населению) имеет вдвое больше войска, чем Франция. Но в Пруссии, как мы сказали, еще только наполовину применен принцип организации, противоположный французскому, а вполне он принят, благодаря особенному географическому характеру страны и особым принципам ее политики, в Швейцарии. Там постоянно находятся на службе лишь малочисленные отряды тех людей, которым действительно нужна долговременная подготовка по техническому характеру их военной роли: та часть артиллерийской прислуги, которая должна управлять действием орудий, та часть саперов, которая предназначена руководить технической частью работ, небольшие кадры унтер-офицеров, назначенных быть учителями военной техники, наконец та часть офицеров, которая во время войны будет заведывать военными действиями — генеральный штаб и выходящие из него штаб-офицеры и генералы. А те люди, которым не предназначено на войне играть специальных

ролей, — все будущие солдаты и большая часть унтер-офицеров и офицеров пехоты и большая часть будущих солдат других родов оружия, — берутся для обучения лишь на один месяц в эти кадры инструкторов и потом ежегодно созываются на одну неделю для повторения приемов, которым выучились в первый год. Разумеется, эти люди не могут быть употреблены в большое сражение на другой же или на третий день после того, как будут призваны к походу: им нужно несколько недель походной жизни, чтобы стать солдатами. Но ведь в нынешних войнах несколько недель походного времени всегда предшествуют серьезным военным действиям. Пока армии сойдутся, пока подвезут к ним артиллерийские парки и т. д. и т. д., неизбежно пройдет столько времени, что швейцарские милиционеры, уже привыкшие к военным приемам, обратятся в хороших солдат. Швейцария выводит на войну (пропорционально населению) в три раза больше войска, чем Пруссия, в шесть раз больше, чем Франция. А между тем в мирное время содержание войска обходится Швейцарии в пять раз дешевле, чем Пруссии, в десять раз дешевле, чем Франции.

Французский принцип удобнее тогда, когда армия содержится для наступательных войн и для подавления бунтов. При прусской системе войско еще годится и для наступательной войны в чужой стране, но более пригодно оно для войны среди дружеской страны с неприятелем, занимающим ее. Швейцарская система исключительно пригодна лишь для второго случая, а для войн среди неприязненного населения не годится. Кроме того, при ней кавалерия не может быть доведена до такой силы, как при французской системе; следовательно, она вполне применима лишь для тех стран, где кавалерия не может играть важной роли в больших битвах. Зато швейцарский принцип неизмеримо увеличивает военную силу государства при войне на родине или в дружеской стране. Швейцария, имея с небольшим 2 милл. населения, может выставить до 250 тыс. войска, так что эта маленькая земля при споре за Нёфшатель чувствовала себя в силах отбить всю прусскую армию.

По соображению всех обстоятельств, швейцарский принцип был полезнейшим для Пьемонта. Приняв его в полном развитии, Пьемонт, имевший 5 500 000 населения, мог бы вывести на войну от 500 до 600 тысяч войска. Театром войны должна была служить восточная часть Пьемонта и Ломбардия — страна, вся усеянная мызами, построенными из камня, перерезанная бесчисленными оросительными каналами, совершенно неудобная для кавалерии (которая, действительно, и не играла никакой роли в сардинско-французском походе 1859 г.). Но чтобы принять эту систему, которая маленькому Пьемонту давала бы военную силу, равную всей австрийской, то есть давала бы ему верный успех в войне при невозможности австрийцам послать в Италию более

половины своей армии, — чтобы принять эту систему, надобно было понимать войну с Австриею как войну чисто национальную, надобно было принимать главным основанием для нее национальное чувство. Кавур смотрел на дело иначе, потому не мог принять не только швейцарского, но даже и прусского устройства. Национальный энтузиазм не входил в его расчеты; он полагался только на тех солдат, которые уже готовы до начала войны; он и тут совершенно держался рутины. А прусский принцип — принцип новый, несогласный с рутинною. Кавур сам видел и окружил себя военными людьми старой школы, которые так же видели единственный идеал военных сил во французской организации. Он и они хотели вести войну исключительно солдатами по ремеслу, отвергая всякую милицию, всяких волонтеров, как элементы слишком ненадежные. Ламармора и Фанти¹⁰ организовали сардинскую армию с педантической заботливостью о выправке, о ранжире. Потому, употребляя на армию чрезвычайно много денег, Сардиния могла выставить против Австрии не больше как 60 тысяч войска. Народное ополчение считал Кавур с своими генералами за ничто или хуже, чем за ничто, — за помеху. От этого-то и надобно было истощать силы Сардинии, от этого-то и оказывались силы Италии недостаточными для войны с Австриею, и нужно было во что бы то ни стало привлечь на войну французскую армию.

Если бы смотреть на войну как на дело национальное, которое очень быстро может организоваться энергиею национального чувства, было бы возможно начать войну вдруг, без предварительной долгой ссоры с Австриею. Можно было бы скрывать свои намерения до последнего дня пред объявлением войны, напасть на неприятеля врасплох, когда он не успел бы еще усилить своих войск в Италии, не сделал бы никаких приготовлений к обороне, воображая себя среди глубокого мира. Национальная партия несколько раз предлагала это. Она предлагала поднять Ломбардию в такое время, когда у австрийцев во всех ломбардо-венецианских землях было не больше 50 тысяч войска, не имеющего больших военных запасов. Ныне — мир и ни малейшего вида ссоры. Завтра восстает Милан, и через неделю итальянские войска уже занимают страшные горные проходы из Тироля в Ломбардию. Австрийцы оттеснены к Вероне, не могут прислать подкреплений раньше как месяца через три, а в три месяца сардинская армия, служа кадрами для поголовного ополчения ломбардцев и для волонтеров Центральной Италии, усилившись войсками Тосканы, Пармы и Модены, имеет уже от 200 до 250 тысяч солдат, — число, достаточное для совершенного очищения Венеции от австрийцев, не приготовленных, расстроенных. Кавур отвергал эти планы: они были несообразны с рутинною; он представлял себе войну с Австриею вроде того, как воевала бы Франция с Англиею или с Пруссиею. Известно, как начинаются войны по

заведенному порядку. Возникает дипломатическое недоразумение; долго, долго обмениваются депешами, все более и более грозного тона, — в этом проходит полгода, год; начинают придвигать войска к границам, отодвигать их от границ и опять придвигать, и все ведут переговоры, и противник имеет год, года полтора времени приготовляться к войне. Кавур действовал по дипломатической рутине, как будто в рутинном деле. Года за полтора до начала войны он завел ссору с Австрией, раздувал и раздувал эту ссору, и пошла эта история рутинным порядком. Австрия наводнила ломбардо-венецианские земли бесчисленным войском.

Разумеется, при таком ведении дела нельзя было победить австрийцев иначе, как французскими войсками. Надобно отдать справедливость Кавуру: слишком за полгода до открытия похода он обещал себе помощь французской армии. Но и тут рутинный взгляд на приготавливающуюся войну отнял у него возможность заключить союз на условиях, какие мог бы он получить, если бы не был увлечен ошибочным понятием о своем собственном деле. Он представлял себе дело так. Сардиния, маленькое государство, хочет отнять две богатые провинции у большого государства. Маленькое государство может попользоваться насчет большого, лишь когда успеет склонить другое большое государство к войне с ним. Он воображал, что перехитрил Наполеона, что будет загребать жар его руками, что Наполеон предпринимает войну по его убеждению. А когда мы убеждаем и спрашиваем кого-нибудь приняться за наше дело, пособить нам, мы должны предоставить ему какие-нибудь выгоды, и он диктует нам условия, какие хочет. Так оно и устроилось. На пломбьерском свидании осенью 1858 года, когда заключен был союз на войну с Австрией, император французов играл такую роль, что собственно ему война не нужна, что он склоняется на нее по убеждению Кавура, который так хорошо разъяснил ему, какую пользу извлечет он из этой войны, а сам он и не думал прежде о войне. Кавур разъяснил ему, как полезно для Франции усилить Сардинию; Наполеон вошел в этот расчет и потребовал вознаграждения за такую услугу; вознаграждением были назначены Савойя и Ницца. Союзник, склонявшийся на войну лишь по убеждению Кавура, конечно, предоставил себе распоряжение всем. Например, Сардиния хочет завоевать Ломбардию и Венецию; хорошо, но ведь не имеет же она претензии на Тоскану? Следовательно, ей все равно, как Франция распорядится Тосканой; потому император Наполеон попробует, нельзя ли будет из Тосканы с прилежащими землями устроить королевство для принца Наполеона. С той точки зрения, с какой Кавур смотрел на дело, нельзя было ему не соглашаться на все требования Наполеона: важность лишь в том, что, слишком увлеченный своею мыслью о необходимости французской помощи для завоевания Ломбардии с Венециею, он забыл другую сторону отношений: императору французов война

с Австриею была так же необходима, как самому Кавуру. Во что бы то ни стало нужно было императору французов занять Францию войною с одною из великих европейских держав. К войне с Англиею он не был готов и не мог приготовиться в течение еще многих лет. Война с Пруссиею равнялась бы объявлению войны против Англии. Следовательно, оставалась одна Австрия. А с Австриею мог он воевать только в Италии, чтобы не касаться германских земель, не поднимать Пруссию и Англию против себя. Если бы Кавур не воображал, что только для Сардинии нужна война, если бы он не являлся с убеждениями и просьбами слишком горячими, император французов сам обратился бы к нему с убеждениями: «доставьте мне предлог для войны с Австриею; пропустите мои войска на эту войну», — и тогда условия союза диктовал бы Кавур.

Дальнейшие события, конечно, еще памяты читателю. Виллафранкский мир¹¹ был поражением Кавура: он должен был выйти в отставку. Франция держала сторону Австрии в цюрихских переговорах¹²; Италия, не освобождаясь от австрийского господства, становилась вместе с Австриею под верховную власть Франции. Но национальное чувство разрушило эти расчеты. Одна часть Италии за другою насильно принуждала туринских правителей* принимать ее в состав возникавшего национального государства.

Кавуру делает великую честь то, что он вышел в отставку, когда увидел, что по Виллафранкскому миру Италию хотят поставить в положение, худшее прежнего. Но он нимало не участвовал в том, что Италия вышла из этого положения. Он, снова сделавшись министром, только принимал один за другим совершавшиеся факты, совершению которых или не помогал, или прямо мешал. Тоскана с герцогствами и Романья выдержали тяжелое испытание и решили свою судьбу собственной настойчивостью, прежде чем Кавур снова сделался министром. Походу Гарибальди на Сицилию он гораздо больше мешал, чем содействовал. Походу Гарибальди на Неаполь он прямо мешал. Юго-восточную часть Папской области он отважился занять лишь для того, чтоб помешать Гарибальди идти на Венецию, чтобы не была оттеснена от управления делами умеренная партия, чтобы не овладели властью решительные приверженцы национального дела¹³.

В чем же его величие? В том, что он хотя принимал совершившиеся факты, — другие на его месте могли бы не сделать и того. Да, у людей в его положении уж и то великая заслуга, редкое, высокое достоинство, когда они не слишком медлят принимать совершающиеся наперекор их прежней программы факты. Потому, повторяя общий голос всей Европы, говорим и мы: Кавур был великий правитель.

* Туринские правители — пьемонтское (сардинское) правительство. — *Ред.*